

Владимир Мацкевич

ПОЛИТИКА: СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ

Политическая аналитика и прикладная политология (когда политологи не только пишут теоретические статьи или читают лекции, но участвуют в разработке программ, выступают экспертами и консультантами в политическом процессе) могут существовать только тогда, когда в стране есть политика. Такая банальная сама по себе мысль в очередной раз возвращает нас к вопросу о том, что такое политика? Причем, этот вопрос, взятый в рамках прикладности политического знания, не допускает простых ответов. Простые ответы — это подгонка определений под реалии и условности конкретной страны, когда предполагается, что если есть государство, то есть и политика, и она такова, каковы реалии и условия в этом конкретном государстве. Если в Беларуси есть государство, то есть и политика — утверждение весьма сомнительное, хотя и вполне согласованное со здравым смыслом и обывательской рассудочностью.

Здравый смысл ограничен в своих возможностях судить о вещах, находящихся за пределами очевидности. Он согласован с тем, что доступно наблюдению «здесь и сейчас», с одной стороны, и с рассудочным дискурсом, с другой. А поскольку посылки рассудочных силлогизмов черпаются из очевидных фактов, то все выводы здравого смысла сводятся к констатации — все есть так, как оно есть, и иначе быть не может. Люди в Беларуси говорят, что политика это грязное дело, они этим не занимаются и другим не советуют. А тот, кто занимается политикой, с точки зрения таких «здравомыслящих», человек плохой. Лукашенко человек хороший — значит политикой заниматься не может, а поскольку он является президентом страны и главой государства, то и президент не занимается политикой. Он организует посевные и уборочные, «запускает» заводы, опекает художественных гимнасток. Что он делает, ког-

да проводит референдумы и разгоняет парламент и Конституционный Суд, если не занимается политикой? Отнюдь, в собственном мировосприятии и в глазах своего электората он устраняет политику, чтобы она не мешала проводить посевную и готовится к зимнему отопительному сезону. Так и получается, что политики в стране нет, Беларусь — государство без политики и вне политики. Любой теоретически подкованный гражданин скажет, что в таком рассуждении полно противоречий, и будет прав. Но для здравого смысла это значения не имеет. Мы не должны быть теоретическими ригористами и попробуем усмотреть в выводах здравого смысла рациональное зерно. Рассудок и рассудочность позволяют перекидывать мостики через пропасть, между разумом и эмпирикой, между рациональностью и наивным реализмом здравого смысла.

Итак, даже здравому смыслу понятно, что политика кончается там, где начинается война. Когда говорят пушки — музы молчат, когда говорят генералы — политики либо умолкают, либо переквалифицируются в лейтенантов. Если государство находится в состоянии тотальной войны, то все сферы деятельности и жизнь милитаризируются. Сворачивается рынок, консервируются общественные институты. Экономика и каждый человек начинают работать на войну, жить и действовать для победы. Теперь представим себе, что государство милитаризовано настолько, что и после победы сохраняет все черты государственности, общественного и экономического устройства, приспособленного к состоянию войны. В таком государстве нет места политике. Представить себе такое вовсе не трудно, кроме того, мы даже можем припомнить исторические примеры такого положения дел. Значит, по крайней мере, в абстракции мы допускаем существование государств, где нет политики. Война — это продолжение политики иными средствами, как гласит известный афоризм, но все же это продолжение, а не сама политика.

С политикой связаны практически все сферы жизни и деятельности человека. Политика оказывает свое влияние на эти сферы, или они сами влияют на политику. Эти взаимовлияния, при всей их очевидности, не могут быть основанием для неоправданного расширения объема и содержания понятия «политика», хотя часто такое расширение происходит. Эта теоретическая ошибка или некорректность ненаучной нерефлексивной политологии чревата негативными практическими последствиями, об этих последствиях для Беларуси речь пойдет ниже. Причем, на политике могут сказываться не только действия людей. Землетрясение в Спитаке и события в Карабахе тоже связаны друг с другом, однако никому не придет в голову считать землетрясение политическим событием. Многие политические события вызваны природными причинами. Неурожай, изменение плодородия почв, истощение недр или другие природные факторы могут определять политические действия государств или отдельных групп людей. Разработка богатых месторождений нефти в отдельных странах становится тем фактором, без учета которого невозможно понять политические перемены в этих странах, но все же перемены имеют политические причины, только усиленные или искаженные

фактом наличия нефтяных ресурсов. Нефть в арабских странах способствует совсем не таким политическим тенденциям, как нефть в норвежском шельфе. Даже политика Саудовской Аравии сильно отличается от политики Ливии или Кувейта. Л. Н. Гумилев исследовал детерминированность общественных изменений у народов Евразии (Великой Степи) ландшафтными или природными явлениями. Его теория этногенеза — яркий пример системной увязки природных и общественных явлений, но даже в этой теории природа и общественная жизнь не смешиваются. Но когда начинают рассматривать уже саму общественную жизнь, то уже с трудом различают разные действительности, например: семейные отношения и политические, техногенные и социально-структурные, частную жизнь и общественную и т. д.

Путаница во всех этих сферах может иметь исторические объяснения, логические или психологические. Но чем бы мы ни объясняли ошибки и заблуждения, они остаются ошибками и заблуждениями. Хотя понимание оснований ошибок и заблуждений помогает от них избавляться. Поэтому рассмотрим некоторые из них.

В истории известны периоды, когда занятие политикой было не для всех возможным и политическая жизнь касалась только определенных слоев населения той или иной страны. В античных городах-государствах политика была уделом граждан, а метеки — неграждане — и рабы, а в Спарте илоты — обращенное в рабство коренное население — были изолированы от политической жизни и вели только частную жизнь. Для граждан граница между частной и политической жизнью была отчетливой и понятной. Все запуталось в более поздние времена. Например, в классических городах-государствах средневековья Венеции и Генуе политикой занимались только представители нескольких сотен состоятельных семей. Даже граждане, но бедные, были вытеснены из политической жизни. Через несколько поколений такой практики в знатных семействах Венеции и Генуи перестали различать семейные и политические отношения. Например, заключение браков перестало быть только семейным делом. Венецианские дожи и генуэзские нобили еще понимали разницу между частным делом и политикой. Но в Милане семейства Сфорца, Борджиа и Медичи все окончательно запутали. Их частные и даже интимные отношения становились фактами политической жизни всей Италии, а когда представители этих семейств становились кардиналами или папами в Риме — то и всей Европы. Нужно ли интимную жизнь Лукреции Борджиа или Лоренцо Великолепного считать политикой и рассматривать в политической истории Италии? Ответ не очевиден. Для этих семейств, а особенно для монархов и королевских фамилий грань между частной жизнью и политической стерта. Для монархов вообще можно говорить, что у них не существует частной жизни. (Жениться по любви не может ни один король.) Именно такая запутанность частной и политической жизни для отдельных деятелей была историческим фоном для первого авторитетного политолога Нового времени Николо Макиавелли, который принципиально не делал различий между частной и обществен-

ной жизнью государя в своем «Государе». А ведь по этой книге учились поколения политологов. Конечно в Литву-Беларусь не контрабандой попало такое представление о политике. Не королева Бона Сфорца привезла в ВКЛ итальянские нравы, литвинская история сама полна фактов переплетения частной жизни и политических процессов. Семейный конфликт Ягайлы и Витовта стал судьбоносным для всей нашей политической истории. Семейное счастье Ягайлы и личная невезучесть Витовта (трижды несостоявшаяся коронация) обернулись многовековыми проблемами для литвинов, поляков, жамойтов и русских. Еще раньше был брак Владимира и Рогнеды, семейные неурядицы Миндовга и многое другое. Для средневековой феодальной Европы это обычное дело. Политические судьбы народов решались в спальнях, на брачных пирах. Ум и талант отдельных людей, дружба и вражда личностей делали политику и историю. Ситуация изменилась в Новое время. Политическая деятельность, с одной стороны, стала подчинять себе частную жизнь и эмансипироваться от нее, с другой стороны. Со времен войны за независимость Нидерландов и английской революции до середины XIX века европейские короли все еще подчиняли свою личную жизнь политическим интересам, династические браки все еще выступали формой политических договоров и союзов, но уже только формой, они перестали быть причиной политических событий. С XVIII в. в политических теориях перестали смешивать частную жизнь и личные отношения, а с XIX века смешение частной жизни и политики стало анахронизмом и в практике. Хотя рецидивы этого сохраняются до сих пор. То, что было политической нормой средневековья и эпохи абсолютизма, стало аномалией и патологией в XX веке, для этого даже изобретен специальный термин — культ личности. Частная жизнь Сталина и Гитлера, Мао и Фиделя Кастро, семейств Ганди-Неру и Бхутто, их личные качества имели огромное влияние на политику. Но для политологии эти явления были вне предмета политики. Политологи уделяют им значительное внимание, но рассматривают именно как аномалии, независимо от того, считают ли Индиру Ганди хорошим человеком, а Ким Чен Ира плохим.

Аристотель оказал огромное влияние на мировую историю, воспитав Александра Македонского, Симеон Полоцкий — воспитав Петра I. Наверное, на Страшном Суде с них взыщется или воздастся за это, они знали, что воспитывают царей. Но было бы несправедливым спрашивать так же с учителей и воспитателей Александра Лукашенко или Саддама Хусейна, эти люди воспитывали частных лиц, которым не было «на роду написано» вершить судьбы народов.

Развитие современной демократии привело к тому, что занятие политикой перестало быть привилегией отдельных семей и бременем отдельных персон, политикой может заниматься любой, но не каждый должен это делать и не каждому можно это доверять. В частности, противопоказано заниматься политикой людям с личной харизмой, каково бы ни было происхождение этой харизмы. Харизматический лидер, от перепадов настроения которого

зависят политические решения, такой же анахронизм в XX веке, как и наследование реальной, а не символической власти в государстве.

Итак, мы коротко рассмотрели противоположность войны и политики, отдельность политики от природных явлений, от семейных отношений и личного поведения политических персонажей. Точно так же необходимо разделять политику и конфессиональные отношения и споры, политику и техногенную среду, политику и экономику. Не станем подробно останавливаться на этих различиях, ограничившись рассуждениями, приводимыми выше, как образцом для всех остальных различий и разграничений. Все они становятся актуальными в свое время. Так, необходимо понимать, что христианские демократы — это участники нормального политического процесса, но теократическое государство предполагает отказ от политики, что экологические движения, становясь «зелеными» партиями, вынуждены обращаться ко всему спектру политических проблем, а вопросы техногенного загрязнения среды оставляют соответствующим организациям. Труднее и актуальнее всего — не путать политику и экономику. Именно неучет различий этих двух процессов легче всего приводит к неприятностям. Нормальная конкуренция может легко закончиться войной, экономический спад — разоблачением политических заговоров и наказанием «саботажников». Политика — это инобытие экономики, причем нормальная политика — инобытие нормальной экономики, а преступность и криминальный бизнес — инобытие ненормальной экономики, черного и теневого рынков. И, наконец, политику не следует путать с политологией.

Несмотря на то, что речь пока идет об абстрактных отличиях политики от тех сфер жизни и деятельности, с которыми ее легко можно перепутать, для Беларуси это имеет вполне практическое значение. Практический политический вопрос для Беларуси, на который требуется практический же ответ, состоит в том, кто, где и как принимает решение о судьбе страны, народа и каждого гражданина.

Наличие в стране политической деятельности, присутствие политики в общественной жизни обеспечивают принятие всех важных решений самим народом этой страны. Все иные, неполитические формы деятельности приводят к тому, что решения вырабатываются и принимаются не теми, кого они касаются. До сих пор за белорусов принимают решения в Москве или других столицах мира, в семейных или земляческих кланах, в офисах крупного бизнеса, в кабинетах теоретиков — где угодно и кем угодно, но только не в Беларуси и не белорусским народом.

Дэвид Мэтьюз — президент Фонда Кеттеринга и бывший министр здравоохранения, образования и социальных служб США говорит: «Мы [в Америке] нуждаемся в расширении «зоны охвата» публичной политики. Ибо общественная политика — необходимый компонент жизни общества. Без участия общественности политика становится ни чем иным, как спором между «нами» и «ими». Или того хуже — она вырождается в бесконечную войну, которую «они» ведут против «них». Продолжая эту мысль для Беларуси, можно сказать — мы

нуждаемся в возникновении публичной политики, в том, чтобы такое явление было в стране, чтобы мы наконец стали «страной, вернувшейся с войны». Д. Мэтьюз считает, что «публичная политика — гражданское действие как таковое, направленное на достижение гражданами более глубокого контроля над своим будущим». А нам еще необходимо осознать свое настоящее и научиться контролировать его. Возможно, что главная проблема общественной жизни в Беларуси и состоит в том, чтобы разобраться: а что же такое настоящее время, в котором мы живем, что такое настоящая Беларусь?

«Настоящее» — это модальность времени и реальности. Наивный реализм исходит из того, что реальность дана нам в ощущениях, и то, что дано в ощущениях, и есть настоящее. Данное в памяти — это прошлое, данное в воображении и в фантазии — это будущее. Весь опыт человеческой истории свидетельствует, что это не так. Культура и человеческая деятельность построены на иных принципах, но в методологии познания различных сфер жизни приходится снова и снова возвращаться к опровержению наивного реализма и напрягать все способности человеческого разума, чтобы вернуться в настоящее, оказаться в настоящем времени, в настоящей ситуации, в настоящей стране.

Ощущения и чувства врут даже о вещах действительно наблюдаемых. Чувства показывают, что солнце движется вокруг земли, а «по-настоящему» все наоборот, Земля вращается вокруг Солнца. Значит, не в ощущениях дано нам это «по-настоящему». Для человека важны не только вещи, которые можно обнаружить с помощью ощущений, но и идеальные сущности. Свободны башмаки или тесны, можно обнаружить в тактильных ощущениях стопы. Но свободен человек или порабощен, в ощущениях не дано. Если мы ищем свободу, бесполезно искать ее в ощущениях, она постигается умом. Свободный йог с изможденным телом, лежащий на гвоздях, дан в ощущениях так же, как человек под пытками. Чиновник-марионетка, выполняющий волю мафии, в дорогом костюме в ультрасовременном офисе вовсе не производит впечатления подневольного и зависимого. Настоящее постигается только разумом. Искусство с помощью фантазии и воображения усматривает в видимом виртуальное, разум выделяет в нем настоящее. Настоящее — это продукт работы разума. А если разум делает разную работу, то и настоящее разное в разных работах.

Политический разум реконструирует совершенно разное настоящее, если носители разума делают разную работу, если люди по-разному озадачены.

Три века известна идея разделения властей в государственном устройстве, сформулированная Шарлем Монтескье. Больше двухсот лет прошло со времен войны за независимость Североамериканских штатов, когда эта идея была впервые реализована на практике. За такой срок любая идея должна стать банальной, что и произошло. Она банальна для политического знания, очевидна для каждого гражданина в странах традиционной демократии, но для большинства людей и наций XX века осознание этой идеи и по-

прежнему актуально, и работа по реализации разделения властей на практике все еще не утратила остроту борьбы и войны, часто драматичной и трагичной.

В Беларуси, как и в других постсоветских странах, внедрение принципа разделения властей в практику общественной жизни и государственного устройства балансирует на грани между мирной повседневной работой и революцией с уклоном в вооруженное восстание. Пока удавалось избегать прямых вооруженных столкновений и крови, подобных московским августу 1991 и октябрю 1993 годов, но ведь только ценой отказа от принципа разделения властей и больших уступок тоталитаризму.

Принцип разделения властей организует нормальный ход общественной жизни, упорядочивает политическую деятельность и позволяет регулировать постоянно возникающие напряжения и конфликты в госструктурах. Так, нормализованную общественную жизнь принято называть современной (в отличие от античной и средневековой) демократией. Для тоталитаризма нормальным является иное, сосредоточение всей полноты власти в одном месте, в одной государственной структуре. Для тоталитаризма характерны диктатура и регулирование всех сторон общественной и даже частной жизни единой волей. Будет ли субъектом этой воли индивид или коллектив (хунта, мафия, партия) — не принципиально. В периоды революционного переустройства общественной жизни, в переходном от тоталитаризма к демократии состоянии общества принцип разделения властей не может быть реализован. То, что присуще нормальному состоянию, не может применяться в состоянии перехода или трансформации. Понимая это, мы должны признать, что общество, устремленное к демократии, еще не демократично, что при переходе к принципу разделения властей власть должна быть сконцентрирована в одной из ветвей государства. Нам придется различать нормальные состояния общества: современную демократию и тоталитаризм (хотя нормой в том и другом случае выступают разные вещи), и переходное или революционное состояние, когда не работает ни одна, ни другая нормы. Конечно, романтикам от демократии и самоотверженным реформаторам трудно признать тоталитаризм нормальным состоянием общества, как ортодоксальным коммунистам или адептам культов личности и расы (нации) невозможно согласиться с нормой демократии. Но именно поэтому ни те, ни другие не способны к развитию, к изменению. Именно поэтому и те, и другие первыми готовы хвататься за оружие при первой же возможности вместо того, чтобы думать и работать.

Так вот, нормальное тоталитарное общество и переходное сходны по признакам отсутствия разделения властей и присутствия диктатуры или доминирования одной из ветвей власти над двумя другими, с одной стороны. С другой стороны, современную демократию и переходное общество объединяет стремление к реализации принципа разделения властей, идеалы права и свободы. Поэтому важно разобраться с тем, чем отличаются диктатуры тоталитарной эпохи и переходных периодов. Или, если пользоваться различием

Игоря Клямкина и Андроника Миграняна, введенном еще в 1987 году, — в чем различие тоталитаризма и авторитаризма?

Для начала еще раз вернемся к обоснованию тезиса о том, что переход от тоталитарной организации общества к демократической возможен только через авторитарную либеральную диктатуру. Этот тезис был высказан почти десять лет назад, тогда он не был никем опровергнут и даже не вызвал сколь-нибудь серьезной критики. Сегодня эта идея уже подзабыта, несмотря на очевидные подтверждения десятилетней практикой бурных перемен, кризисов, побед и поражений. А в Беларуси эта идея никем не была воспринята как практическое руководство к действию, ей даже аналитики и политологи не уделяли должного внимания. Но белорусские реалии мы рассмотрим несколько позже.

Не повторяя аргументацию Клямкина и Миграняна, рассмотрим вопрос с несколько другой стороны, восстановим феноменологию власти¹. Для трех традиционных ветвей власти совершенно по-разному организованы реальность и время.

Для исполнительной власти реальность определяется повседневным функционированием, оперативным руководством и регулированием процессов, в которые она включена через давление населения, ежедневно «сваливающимися ей на голову» проблемами бюджета, хозяйства страны, стихийными и рукотворными бедствиями. Развитие страны, программы, перспективы, право и закон для исполнительной власти и для бюрократии, которой она персонифицирована, отвлеченные понятия. Они выступают для представителей исполнительной власти только рамками, той или иной степени жесткости, в которых приходится принимать повседневные решения, решать текущие задачи. Такие рамки сковывают инициативу, административный энтузиазм, скорее ограничивают свободу действий, чем расширяют возможности. Поэтому исполнительная власть всегда подчеркивает свой прагматизм, «реалистичность», «твердое стояние на ногах», трезвую оценку ситуации, козыряет всем этим в дискуссиях и конфликтах с «мечтателями и фантазерами» из парламента, с консерваторами, догматиками и ригористами из судебной системы.

Законодательная, или представительная, власть живет и действует (точнее, обязана жить и действовать, что не всегда и не всем удается) в реальности развития, программирования и перспективы. То, чем должна стать страна в будущем, для законодателя реальнее, чем то, что происходит в ней сейчас. Устанавливая законы, сами депутаты парламентов рассматривают право и законы как текучую и изменчивую материю, свысока и снисходи-

¹ Феноменологическая критика не является привычным и распространенным инструментом белорусской политологии. Критике самой белорусской политической мысли мы тоже уделим внимание. Но скидок на ее дремучее состояние делать не следует. Уже появилось поколение 20—30-летних политологов и аналитиков, которые учились не у Антоновича с Бобосовым и которые интенсивно ликвидируют недостаток аналитических средств и проблемы в образовании.

тельно относясь к «судейским буквоедам». Реализуя, лоббируя и «проталкивая» перспективные программы развития страны, за что народные избранники отвечают перед своим электоратом, они полемизируют с «близорукостью, узким и мелким прагматизмом» чиновников из исполнительных структур, упрекая последних в «бюрократизме» (а может ли быть бюрократ не «бюрократом»), лени и отсутствию профессионализма. С реальностью исполнительных чиновников законодатели готовы считаться только в той мере, в которой готовы видеть ее ресурсом, тормозящим или ускоряющим реализацию их перспективных программ и планов.

Юридический профессионализм и должностная этика судей требуют от них признания приоритета буквы закона над «духом», признания приоритета закона даже над правом, не говоря уж о тех казусах и инцидентах в областях жизни и деятельности, которые правом и законом регулируются. Закон является первой реальностью для судебной власти. Перефразируя парадокс сциентизма: «если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов», добросовестный судья не устает повторять: если житейская или деятельностная ситуация не соответствует закону, тем хуже для этой ситуации. С реалиями житейских и деятельностных ситуаций суд согласится считаться только тогда, когда парламент оформит их законодательно или (что справедливо для англосаксонской системы права) будут найдены соответствующие прецеденты в судебных архивах.

Такая гетерономность и гетероморфность реальности (разно-реальность) для разных ветвей власти позволяет государству присутствовать (быть активным агентом и субъектом) во всем многообразии/разнообразии общественной жизни и деятельности. Все, что не подпадает под это многообразие, находится за пределами компетенции государства. Государство не имеет права туда вмешиваться. Именно такая норма государственного устройства гарантирует неприкосновенность частной жизни граждан в демократических странах, свободу слова, совести и вообще духовную свободу и автономность человека. В этом самое принципиальное и коренное различие между тоталитарной и демократической организацией общества, между закрытым и открытым обществом. В закрытом обществе (при тоталитаризме) государство вмешивается во все, пытается контролировать все стороны жизни и деятельности людей и нет механизма для воспрепятствования этому, кроме свободной воли одинокой личности, которая при минимальных попытках защитить свою частную жизнь от вмешательства государства с неизбежностью оказывается вне общества.

Не менее кардинально различаются три ветви власти по внутреннему для них времени, в котором они себя осознают, мыслят и действуют. Для феноменологической критики важным является наполнение смыслом временной (темпоральной) категории *Сейчас* или *Теперь*. Исполнительная, законодательная и судебная власти гетерохронны относительно того, каким смыслом для каждой из них наполняется настоящее время, чем для них является *Сейчас* и *Теперь*, то есть они *не-со-временны* друг для друга.

Для исполнительной власти *Сейчас и Теперь* — это, буквально, сегодня. Настоящее время, составляющее смысл категорий *Сейчас и Теперь*, укладывается в длительность действия, которое необходимо выполнить, или в продолжительность решения задачи. Чаще всего самым длинным *Сейчас и Теперь* для чиновников выступает финансовый год, т. е. то настоящее, которое определено как ресурс, выделенный для действий, как бюджет, в рамках которого только и могут быть решены или не решены актуальные задачи. В следующем году парламент может принять другой бюджет, будет другой ресурс, можно будет по-другому решать задачи и исполнять функции, но это будет не *Сейчас*, а *Потом*.

Для законодательной власти финансовый год выступает минимальным моментом времени для отсчета *Сейчас и Теперь*. При нормальном протекании общественно-политического процесса парламент редко имеет возможность вмешиваться в ход повседневности в большей степени, чем принятие государственного бюджета на год. Принятием закона о бюджете да назначениями высших чиновников парламент участвует в оперативном управлении страной. Но *Сейчас и Теперь* для законодателей годовым бюджетом только начинается. Настоящее время для них это все время их полномочий, т. е. 4–5 лет, а для некоторых (кто в политике «всерьез и надолго») еще больше — это время реализации программ или реформ, ради которых они и пришли во власть. Поэтому в понятия *Сейчас и Теперь* для законодательной власти входит более или менее близкое будущее. Из-за такой асинхронии и несовпадения настоящего и будущего, *Теперь и Потом*, чиновникам и парламентариям трудно найти общий язык.

Для судебной власти *Сейчас и Теперь* наполнено третьим смыслом. Судье незначителен как чиновнику исполнительной власти «сегодняшний день». Текучка повседневности его волнует мало, для него *Сейчас и Теперь* простирается и на прошлое и на будущее, пока действует тот закон, которым он руководствуется и который хранит от порчи ситуативности и «сиюминутности». Календарное сегодня (*Сейчас и Теперь* чиновника) интересует судью только в силу того, что «закон обратной силы не имеет», а *Сейчас и Теперь* законодателя только постольку, поскольку судопроизводство в будущем будет строиться на законах, которые *Пока* дебатировались в парламенте, а у каждого закона есть дата вступления в силу.

Такая гетерохрония, *не-современность* ветвей власти друг другу характерны и для состоявшейся демократии, т. е. для одного из нормальных состояний общества, и для переходного общества. Но в современной демократии выработаны механизмы синхронизации (приведения к *современности* и устранения *не-современности*) ветвей власти, а в переходном состоянии их нет. Эти механизмы основаны на имманентном времени мышления, размышления или собственном времени интеллектуальных институтов, предлагающих, вырабатывающих решения для демократии, институтах политической и общественной критики и аналитики. До 90 % рабочего времени во всех ветвях власти при демократической организации обществен-

ной жизни затрачивается на переговоры, согласования, решения конфликтов, на PR, пока эта гетерохрония не будет приведена к общему знаменателю — к короткому моменту синхронии или *со-временности* властей. Поэтому современная демократия живет в замедленном времени, ее принцип — семь раз отмерь, потом семь раз перепроверь, только потом режь, и режь под пристальным наблюдением и контролем общественного мнения, на виду у беспощадной, назойливой, не всегда умной и компетентной, но всегда предвзятой Четвертой власти. В глазах некоторых недалёковидных и наивных «мыслителей», политиков и обывателей тоталитаризм в этом отношении выглядит привлекательнее демократии. В тоталитарном государстве или при диктаторском режиме все решения принимаются быстро, реализуются хоть и бездумно, но оперативно. Но как дорого приходится расплачиваться за эту поверхностную привлекательность. Цена ошибок на государственном уровне чрезмерно велика, чтобы «резать не меряя».

Таким образом, принцип разделения властей, существование их в разных реальностях, в разном времени ставят все три ветви в ситуацию рака, лебедя и щуки. «Тянуть воз» при такой разнонаправленности крайне затруднительно. Двигаться можно только мелкими шагами, постоянно отклоняясь от «магистральной линии». Такое могут позволить себе только те общества, те страны, которые «имеют время», которые не торопятся. Именно поэтому современные демократии не знают, что есть «магистральная линия» исторического развития, в чем состоит цель, куда необходимо стремиться. Каждый шаг, самое минимальное изменение долго обсуждается, дискутируется, и когда шаг все же делается, то делается так, чтобы можно было его «переходить», исправить, если выяснится, что двинулись «не туда». Современную демократию можно считать интеллектуальным механизмом выяснения того, что есть реальность, что такое настоящее, настоящее в смысле не иллюзорного, не фантастического, и в смысле настоящего времени.

Тоталитарное общество, напротив, точно знает цель (коммунизм или третий рейх — дело вкуса), знает магистральную линию исторического развития. Поэтому тоталитаризму постоянно «некогда», нужно срочно кого-то «догнать и перегнать», что-то построить, достичь, завоевать и т. д. Хотя только полное незнание реалий современного мира, полное отсутствие логики позволяло советской власти верить лозунгу «догнать и перегнать Америку», когда для СССР цель — коммунизм, а Америка «бадзяецца» туда-сюда без цели. Естественно, что СССР «сбился с пути», играя в такие догонялки.

Переходному обществу тоже «некогда», но по другим мотивам. Цель и представление о «магистральной линии» уже утрачены, но актуально «убежать» от «страшного тоталитарного прошлого». Хотя люди и власти переходного периода очень непоследовательны и алогичны. С одной стороны, они не замечают, что несут тоталитарное сознание в себе самих, а от себя «убежать» невозможно. С другой стороны, они полагают, что демократия и открытое общество могут быть целью аналогичной коммунизму, что их можно постро-

ить, что это новая и, наконец, «правильная» «магистральная линия». А что значит «некогда», если нет единого представления о *Сейчас и Теперь*? Существующие в разных реальностях и в разном времени ветви власти по-разному суеются, путаются друг у друга под ногами и вместо движения начинают выяснять отношения и останавливать друг друга.

Пока общество не сформировало механизмы синхронии или *о-со-вре-менивания* ветвей власти, государства, находящиеся в переходном состоянии, вынуждены сохранять режим авторитарной диктатуры. Но природа диктатуры переходного периода и тоталитарной диктатуры различна. Тоталитаризм органически не способен к размышлению, к коммуникации, согласованиям и к мирному решению конфликтов, а переходное общество, живущее в очень высоком темпе, не может себе этого позволить. *Сейчас и Теперь* в переходном состоянии общества настолько динамичны и мимолетны (за несколько дней и месяцев успевает произойти столько событий, совершиться столько изменений, что в нормальном состоянии общества их хватило бы на многие годы), что задержки и промедления становятся дороже возможных ошибок и неточностей. В обществе переходного периода, почти по Льюису Керолу, приходится «очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте», и еще быстрее, чтобы куда-то двигаться. А поскольку из трех традиционных ветвей власти самый высокий темп у исполнительной, ее время «самое быстрое или короткое», то именно она в наибольшей степени адаптирована к состоянию переходности.

Исполнительная власть *со-временнее* других переходному периоду, реформам и переменам. *Сейчас и Теперь* правительства более «настоящее», чем нацеленность парламента на «будущее» *Сейчас и Теперь* или заикленность суда на «прошлом» *Сейчас и Теперь*. Необходимость удержания «синицы в руках» (мотив и самооправдание правительства) актуальнее попыток поймать «журавля в небе» (ориентация парламента) и рациональнее уверенности в том, что «синица из рук» никуда не денется (поскольку это закреплено в законе). Именно этим и вызваны конфликты исполнительных структур с остальными ветвями власти в эпохи перемен. Именно поэтому практически везде исполнительная власть выходит победителем в этих конфликтах, ей в большей степени доверяют граждане, она по преимуществу принимает на себя полноту ответственности за реформы. В этом природа авторитарных режимов в странах, переходящих от закрытого традиционного общества к открытому, к демократии.

Если посмотреть на современную Беларусь с позиций проведенного разбора схемы разделения властей, то может создаться впечатление, что все в полном порядке. Исполнительной власти удалось подмять под себя остальные ветви власти, диктатура установлена. Действительно, все, что происходит в Беларуси, вполне закономерно. Кроме того, что установлена не диктатура переходного периода и авторитарный режим реформирования в направлении открытого общества и демократии, а контрреформаторская диктатура реставрации тоталитаризма и советского империализма.

Оправданность авторитарных режимов переходного периода и их целесообразность определяется будущим или нацеленностью их на самоликвидацию. В соответствии с неокантианским принципом «то, что должно быть, является основанием того, что есть». Т.е. *становящееся* (то, что должно быть, но пока его нет) *реальнее отмирающего*, сегодняшней иллюзорности.

Этим формулируется парадоксальность правительств переходного периода. Правительство оперативнее, точнее, «быстрее» остальных ветвей власти, поэтому ему нужно больше власти, чем другим. Финансовый год в переходный период слишком грубая единица отсчета времени, изменения столь стремительны, что бюджет устаревает за несколько месяцев, а парламент при всем желании не может принимать бюджеты помесечно и даже посезонно. Уже только поэтому правительству нужны большие полномочия, чем они определены законом. Правительство должно эти полномочия получить от парламента и согласовать их с Верховным и Конституционным Судами. Но парламент может дать такие полномочия только тогда, когда правительство примет реальность законодателей и согласится расширить свое представление о *Сейчас* и *Теперь* программным и перспективным *будущим*. А суд согласится с этим, если правительство примет его реальность и примет ограниченность срока действия этих чрезвычайных полномочий, чтобы *Сейчас* и *Теперь* были бы определены в том, когда они станут *прошлым*. Т. е. правительство может получить диктаторские полномочия только приняв реальность парламента и суда, изменив свое представление о *Сейчас* и *Теперь*. Если это происходит, то правительство может взять эти полномочия даже преодолевая сопротивление парламента и суда. Но тогда становится понятно, что правительство в переходный период не может быть каким угодно. Оно может быть только реформаторским, нацеленным на будущее в большей степени, чем на повседневность. Ему может быть позволен произвол (вольность) по отношению к *закону*, но не к *праву*. (Концептуальные различия между «законом» и «правом» следует рассмотреть отдельно. Это различие весьма существенно и актуально для переходного состояния общества. Правовое мышление в Беларуси тоже необходимо поднимать до уровня стоящих перед страной проблем.)

Правительство переходного периода является компенсаторным. Оно компенсирует своими действиями медлительность и неповоротливость законодательной власти, компенсирует отсутствие законов временными декретами и уложениями, которыми суд может руководствоваться как прецедентами, а парламент оформляет их потом в качестве закона.

Правительство переходного периода может быть только временным. После окончания срока его полномочий собирается Учредительное собрание или его аналог для конституирования (буквально — принятия новой Конституции) новых реалий, возникших в переходный период и требующих нормировки.

Правительство переходного периода, несмотря на большие полномочия, принимает ответственность только за узкий спектр проблем и решает

ограниченный круг задач, оставляя все остальное на саморегуляцию.

В определенном отношении правительство переходного периода похоже на правительство военного времени: чрезвычайные обстоятельства — чрезвычайное правительство, безграничные полномочия в ограниченной зоне компетенции. Различия между ними заключаются именно в том, что зоны компетенции различны в переходный и в военный период.

Правительства переходного периода решают проблемы по очереди. Реформы проводятся последовательно в определенном порядке, а не все сразу. Например, реформируется армия, потом судопроизводство, потом образование, потом экономика, или наоборот, сначала экономика, образование, потом полиция, местное самоуправление и т. д. Реформа государственного устройства проводится в последнюю очередь, она венчает период реформ и свидетельствует о его окончании. После этого наступает период стабилизации и нормализации.

Очень непросто оказаться уместным и современным в стране, где «повалась связь времен», где проблемы годами накапливаются и не решаются. Стоящая, но нерешаемая проблема препятствует деятельности. Она как бы останавливает время. Можно представить себе ситуации, когда календарные годы текут, а время стоит на месте. Провозгласив независимость, Беларусь должна была проделать ряд мероприятий по обеспечению независимости. Сами мероприятия могли растянуться на некоторый срок, после которого наступает новый этап, страна оказывается в новой ситуации, относительно которой снова нужно стремиться быть со-временными. Но что происходит, когда необходимые мероприятия не делаются? С одной стороны — время останавливается, с другой стороны — время остановить нельзя, получается нагромождение времен друг на друга. То, что могло при нормальном течении времени делаться последовательно, чтобы на все хватило времени, приходится делать одновременно — и времени ни на что не хватает. В качестве иллюстрации воспользуемся одним примером — аналитикой 1994 года. *(Впрочем, это не только иллюстрация. Сформулированные в этом фрагменте аналитики задачи, стоящие перед первым президентом Беларуси, сохраняют свою актуальность. Если они не решаются номинально первым президентом, то фактически «первым» будет второй президент, который их решит.)* Две части доклада намеренно приведем без изменений, поскольку это может быть лишним аргументом к тезису о несвоевременности, несо-временности действий белорусских властей.

Фрагменты доклада на аналитической группе АГТ, положенные в основу публикаций в БДГ, «Белорусском рынке», «Minsk economist news» и других газетах в мае 1994 г.

Часть 1. Календарь.

Системным кризисом я буду называть ситуацию, сложившуюся на всем пространстве бывшего СССР после того, как был исчерпан идеологический и программный потенциал перестройки. Говоря по-другому, после

того, как перестройка провалилась и закончилась, или после того, как «прорабы перестройки» перестали справляться с процессами, ими же самими запущенными. Начало системного кризиса можно отнести к весне 1991 года (хотя отдельные параметры кризиса были видны ещё и до этого).

Необходимым и достаточным для структурно-функционального анализа является разложение системного кризиса на пять составляющих, которые представляют собой пять самостоятельных автономных функций, сосуществующих одновременно и процессуально разворачивающихся параллельно — с одной стороны, и последовательно задающих этапы кризиса, когда один из компонентов достигает максимума и становится ведущим на отдельном этапе — с другой стороны.

Эти пять составляющих системного кризиса могут быть обозначены следующим образом:

- 1) кризис идеологии;
- 2) кризис власти;
- 3) кризис государственного управления;
- 4) кризис хозяйства;
- 5) кризис образа жизни.

В политологической, экономической, социологической аналитике последних лет все пять составляющих системного кризиса подробно разбирались и обсуждались, поэтому я охарактеризую их очень коротко.

КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ представляет собой замену иждивенческого коммунистического мировоззрения, характерного для всех слоев населения тоталитарного общества, на дифференцированное отношение и мировоззрение групп, страт и классов, характерных для современного демократического, рыночно ориентированного, хозяйственно-социального уклада. Для европейских стран бывшего СССР это в первую очередь националистическое, национально-демократическое, социал-демократическое и либеральное мировоззрения. (Я пока не стану обсуждать то, что происходит в Средней Азии и Закавказье.)

КРИЗИС ВЛАСТИ представляет собой революционный по остроте переход от тотально номенклатурной концентрации примитивно организованных институтов власти к усложнению структуры властных институтов и распределению функции власти между институтами правового государства и протоэлитами, возникающими из осколков гомогенного в прошлом «советского общества». (Морфологический анализ протозлит, складывающихся в Беларуси, мы проделаем позднее.)

КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ может быть охарактеризован как демонтаж институтов государственного управления (Советы здесь идут первыми по очереди) и замена их новыми профессиональными институтами, построенными на принципиально иных механизмах. (Анализ и характеристику институтов, подлежащих демонтажу, а также критику проектов новых институтов мы осуществим на последующих собраниях аналитической группы.)

КРИЗИС ХОЗЯЙСТВА с легкой руки Егора Гайдара называется структурной реорганизацией. Такое название ничего не объясняет и отражает только то, что эта составляющая системного кризиса наименее проработана как в макроэкономике, так и в политике. В дальнейшем именно этому вопросу следует посвятить большую часть времени и сил аналитической группы. Сейчас же отметим только то, что в рамках анализа кризиса хозяйства необходимо рассматривать правовые вопросы собственности, экономические и организационные аспекты приватизации, условия и проекты санации предприятий и отраслей, открытие и запуск новых отраслей и форм хозяйствования.

КРИЗИС ОБРАЗА ЖИЗНИ представляет собой замыкающий и решающий момент прохождения всех предшествующих этапов системного кризиса. Вход на него означает необратимость реформ и начало конструктивной работы по обеспечению стабилизации хозяйственной и общественной жизни и развитию страны. Кризис образа жизни характеризуется тем, что частная жизнь каждого гражданина страны становится иной. В этом плане должны обсуждаться вопросы социальных гарантий и социального страхования, образования, медицины, планирования брака, семьи, рождаемости и т. д. Именно этот аспект системного кризиса затрагивает непосредственные интересы отдельного частного лица, но в повестку дня работы аналитической группы он будет вынесен последним.

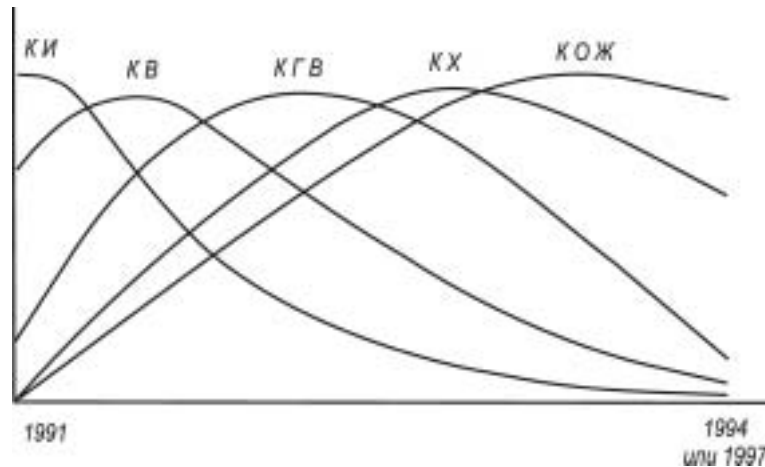

Схема системного кризиса,

Так изложенная схема системного кризиса в равной степени пригодна для структурно-функционального анализа ситуации в Беларуси, России, странах Балтии, Украины, Молдовы. При этом понятно, что в каждой из этих стран имеют место существенные особенности и нюансы. Имеет смысл ра-

зобратить эти нюансы для сравнительного анализа и корректировки курса реформ с учетом опыта и ошибок наших соседей, но этим мы займемся как-нибудь в другой раз. Сейчас нас может интересовать только одна особенность, которая проявляется, если совместить горизонтальную ось приведенной выше схемы с хронологической осью реального времени проведения реформ. Тогда названные выше страны располагаются на горизонтальной оси на разных этапах системного кризиса. Эстония, Латвия и Литва миновали пик кризиса хозяйства и вплотную приблизились к кризису образа жизни. Россия находится между этапами кризиса государственного управления и кризиса хозяйства. Где-то в этом же месте можно расположить и Молдову. Украина же и Беларусь сильно опаздывают. Бог с ней, с Украиной, нас интересует Беларусь. Ситуация в Беларуси сложнее, чем линейная последовательность этапов системного кризиса. Прежде чем характеризовать эту сложность, я скажу несколько слов о российской ситуации, чтобы обозначить точку отсчета. Это удобно по двум причинам: во-первых, потому что Россия занимает промежуточное место по темпам реформ, а во-вторых, потому что российская ситуация лучше всего проанализирована и у всех на виду.

Так вот, пик кризиса идеологии в России был спровоцирован и ускорен попыткой августовского путча ГКЧП. Победа демократических сил и легитимной президентской власти в России в августе 1991 года сделала невозможной реставрацию коммунистической идеологии, и кульминация идеологического кризиса была пройдена. После этого самым актуальным и насущным стал вопрос о власти. Этапами кризиса власти являются распад СССР и Беловежские соглашения, борьба за усиление исполнительной власти против отстающей законодательной, и к декабрю 1992 года наступила кульминация этого этапа системного кризиса. Усилившееся профессиональное правительство Черномырдина, пришедшее на смену идеологизированному правительству Гайдара, приступило к решению проблем кризиса государственного управления. Пик этого кризиса был ускорен и спровоцирован Ельциным в октябре 1993 года, а сам кризис был успешно разрешен (я сейчас не рассматриваю правовые и нравственные стороны событий, а говорю только о прагматичной стороне). Сегодня Россия на всех парах приближается к кульминации кризиса хозяйства. Вряд ли правительство Черномырдина способно справиться с задачами этого этапа, но (это мое личное мнение) я не буду заниматься гаданием на кофейной гуще, да и в Беларуси это никого не должно интересовать, здесь достаточно своих проблем. Главное, чтобы Беларусь не попала в ловушку, которую расставляет ей Черномырдин своим заигрыванием с Кебичем, который или действительно не понимает, что это ловушка, или разыгрывает свои «крапленые карты».

Итак, о проблемах в Беларуси по схеме структурно-функционального анализа системного кризиса.

Находясь в составе СССР, Беларусь претерпевала те же самые процессы и тенденции, что и все остальные регионы. Она не отставала от остальных

частей Союза и к середине 1991 года вплотную подошла к кульминации идеологического кризиса. Но затем произошел откат назад. Белорусские политические и предпринимательские элиты не смогли воспользоваться созданным положением. То ли из-за робости, то ли из-за недостатка ума белорусские лидеры постарались увильнуть от той черной работы, которую обязаны были выполнить в условиях кризиса идеологии. Можно по традиции российской интеллигенции задаваться по этому поводу вопросом «кто виноват?», мы даже обязательно сделаем это в рамках морфологического анализа. А пока, оставаясь в рамках структурно-функционального анализа, я отмечу только несколько объективных факторов, из-за которых в Беларуси произошла идеологический кризис.

1. Беларусь сумела выжать из советского социалистического хозяйства максимум пользы для себя (опередила ее в этом отношении, пожалуй, только Литва), поэтому в Беларуси первые трудности системного кризиса проявлялись мягче, чем где бы то ни было. В 1990-1991 годах жизнь Беларуси выглядела достаточно хорошо на фоне начинающегося развала в других регионах. В Беларуси думали, что так будет всегда, а правящая номенклатура тщательно поддерживала эту иллюзию.

2. Слабость и недостаточность национального радикализма. Страны Балтии использовали национализм, даже в крайних и наиболее неприглядных его формах, как основной энергетический источник реформирования. Другого источника, кроме энергии авторитарных режимов (см. у Клямкина и Миграняна), не изобретено до сих пор.

3. Третья объективная причина может быть охарактеризована очень просто: бесплодная импотентность белорусской интеллигенции.

Можно было бы назвать еще несколько вторичных причин и факторов, и я это сделаю, если будет такая нужда. А пока важно то, что, отказавшись от эскалации кризиса идеологии и технического отношения к нему, Беларусь улеглась неподвижным тяжелым камнем в бурном потоке проходящих вокруг нее реформ. И никто так и не поставил вопрос о власти, а под лежащий камень вода не течет.

Если бы Беларусь была одна на глобусе, все было бы гораздо проще. То, что не сделано два-три года назад, можно было бы начинать делать теперь. Но увы!.. Тесная хозяйственная интеграция стран бывшего СССР вызывает в Беларуси появление негативных процессов, которые в странах Балтии и России при активном отношении идут на пользу, а Беларуси при ее пассивности только во вред. (Это все то, что связано с кризисом хозяйства, финансами, конверсией и приватизацией, всему этому мы должны посвятить отдельное собрание аналитической группы.) Потрясающая наивность массового, профессионального и политического сознания в Беларуси и вызванные этой наивностью глупые действия объясняются не недостатком ума и компетенции, не дефицитом денег и ресурсов, а исключительно бездействием, трусостью и ленью трех ведущих элит: интеллектуальной, политической и предпринимательской.

Такой черновой набросок структурно-функционального анализа в первом приближении мне кажется достаточным. Теперь мы вывешиваем схему системного кризиса в комнате собраний аналитической команды в качестве «календаря» ближайшего будущего. А также в качестве рамки для анализа, прогноза, критики и программирования зоны ближайшего развития Республики Беларусь. Для того, кто не будет удерживать этого «календаря», будет совершенно непонятно и недоступно то, что я буду говорить в третьей части своего доклада. (Вторая часть опускается.)

Часть 3. Что ждет первого президента Беларуси?

После принятия в Беларуси новой конституции начала раскручиваться предвыборная машина. Начали заявлять о себе как о кандидатах в президентии известные политические фигуры, появились новые имена и новые претензии. Судя по имеющимся материалам, кандидаты, их команды и избиратели не склонны предаваться размышлениям о том, с чем придется иметь дело будущему президенту. Кандидаты торопятся вступить в бой, а избирателям их *мітусня* мало интересна. Нам представляется, что если бы кандидаты задумались о том, что их ждет в случае победы — их энтузиазм заметно уменьшился бы. Попробуем нарисовать примерную картину, не для того, чтобы кого-то пугать, а чтобы предложить посмотреть на мир трезвыми глазами.

*Мне нечего предложить вам, кроме крови,
слез, тяжелого труда и пота.*
У. Черчилль

С таких слов начинал знаменитый британский политик свою очередную избирательную кампанию. Претендентам на президентский пост в Беларуси тоже нечего предложить нации, кроме пота, тяжелой работы и шоковой терапии. Единственное, что они могут пообещать — не допустить крови. Дело не только в том, хватит ли у кого-то из кандидатов честности и смелости заявить такое своему народу, но и в том, сможет ли народ принять это заявление как единственную правду сегодня. Может статься, что кандидаты и избиратели предпочитают общаться друг с другом в жанре «сладких сказочек», взаимного заискивания и лести.

Черчиллем не рождаются. Но фигура лидера нации должна быть соразмерна тем историческим задачам, которые стоят перед страной. До последнего дня общественное сознание в Беларуси предпочитало страусиное отношение к проблемам и историческим задачам — страшно, прячем голову в песок, вдруг пронесет. Не пронесло. Все бывшие союзные республики вышли из СССР сами, а Беларусь оказалась «выкидышем» в суверенитет. Шушкевич с Кебичем подписали Беловежское соглашение, чтобы участвовать в создании на осколках Союза новой общности. Уже везде поняли, что СНГ мертворожденное дитя, только в Беларуси сохраняют наивные надежды в этом отношении. Если уж беларусы так мечтают жить в «братской семье

народов» — предлагали бы новые идеи и проекты, как это делает Казахстан и его президент. Но новых идей не выдвигается, и вот почему: никто не хочет новой «братской семьи», ни народ, ни номенклатура, ни серьезные политики. Несколько арьергардных групп, имеющих голос и допущенных к СМИ, голоса на всю страну свои замшелые догмы, номенклатура цинично делает вид, что это и есть vox populi, несформировавшиеся политические партии вяло борются с этими «ветряными мельницами», а самые насущные задачи не решаются и даже не ставятся. Начнем с непоставленных задач, а потом разберемся с поставленными, но запутанными до крайней степени бездеятельностью властей (точнее тем, что когда-то было властью, а сегодня уже «живой труп» власти).

ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ

ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА, ИДЕОЛОГИИ И СОЗНАНИЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА

СТРУКТУРНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

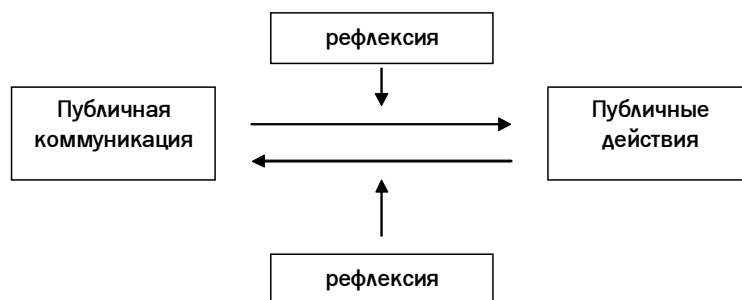
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

СОЗДАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

БЕЛАРУСИЗАЦИЯ

Все эти темы должны быть проработаны с содержательной стороны в аналитической группе, после чего должно начаться формирование групп и команд по реализационно-техническому обеспечению этих тем. Под каждую тему должна быть сформирована междисциплинарная профессиональная команда, работающая постоянно, а не от случая к случаю. Рамки работы этих команд задаются из двух источников: из аналитической деятельности, которую мы здесь начинаем; из властной функции, которая локализована в аппарате президента. Без этих двух источников рамок не может быть нормальной профессиональной работы, все будет скатываться либо к интеллигентщине, либо к тупым чиновническим схемам.

Если справедливо то, что мы обсуждали в начале статьи, то время человеческой деятельности определяется не вращением планеты, а «обращением» человеческих дел и последовательностью событий, в которые люди вовлечены, сменой решаемых задач и последовательностью целей. Если есть резон в приведенном фрагменте аналитики 1994 года, то в метафорах деятельности можно сказать, что белорусская политика с 1994 по 1997 год находится «на каникулах», а в метафорах игры — либо «партия отложена», либо политика оказалась «вне игры». Что делает шахматист, когда партия отложена? Он анализирует сделанные ходы и планирует дальнейшие, советует с тренерами — он рефлектирует партию. Рефлексия — обязательный

компонент политики. Она обеспечивает прямую и обратную связь между общественной мыслью и общественным действием.

В политике никто не застрахован от ошибок, именно рефлексия помогает их исправлять, рефлексия устраняет боязнь политических ошибок. Поэтому К. Поппер и Дж. Сорос настаивают на аксиоме всеобщей «погрешимости человека и деятельности» — как принципе открытого общества и демократии. Непогрешимым политическим вождям и харизматическим лидерам рефлексия не нужна, у них просто не может быть неправильных действий. Вот только такого не бывает. Погрешимыми были даже любимые Богом политические персонажи Ветхого завета. Моисею было заказано войти в Землю обетованную за грехи, Давид грешил, и только мелкие тираны XX века претендуют на непогрешимость.

В 1994 году аналитическая группа АГТ сравнивала возможности кандидатов в президенты по решению поставленных задач. Лукашенко был признан самым неспособным, но мнение избирателей не совпало с мнением аналитиков. Мы тогда намеренно отказались предсказывать результаты выборов, проблема состояла не в этом. Проблема была в том, что перед страной и, соответственно, перед главой государства стоят объективные проблемы и задачи. Кого бы ни предпочли избиратели — ему и решать задачи. Даже если побеждает самый неспособный, он должен (его подталкивает к этому объективный ход событий и деятельность оппозиции) заниматься не тем, чем хочет, а проблемами страны. Но этот тезис справедлив только тогда, когда в стране есть публичная политика, есть рефлексия публичной политической коммуникации и деятельности. В 1994 году зачатки публичной политики в Беларуси уже были, были заложены основы демократии и разделения властей. Именно поэтому автор мог тогда заявлять:

ПАРАДОКС БЕЛАРУССКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

(Из статьи «Парадокс демократии и образования» в №1 газеты «Беларуская маладзёжная»).

Беларусы терпеливы. Они сверхтерпеливы. Беларусы могут терпеть нищету, насилие, произвол чиновников. Они терпеливо и упорно работают и делают, в конце концов, то, что другие бросили бы уже давно, не доведя до конца. Но терпимы ли они к иному, к противоположной точке зрения, «отличной от других»? Будь они терпимы, может быть они обнаружили бы, что «отличная от других» точка зрения заслуживает интереса и обдумывания. Не нужно торопиться менять точку зрения (потерпим, воздержимся), но обдумать, взвесить ...? Может быть в ней что-то есть?

«Беларуская маладзёжная» говорит что-то не то — не будем слушать. Закрывать, заткнуть! Газеты пишут то, чего мы не понимаем, — не давать бумаги, самим не на чем «зайчики» печатать. Газеты сами покупают бумагу? — Не выпускать из-под госконтроля! Беларусы терпят, они все стерпят. Правительство давит и зажимает свободу слова и печати? Ну и что? Ведь правительство и народ едины. Премьер не говорит ничего, чего не понимал бы любой дворник или академик, знающий только свою область науки и никогда не интересовавшийся ничем посторонним, вроде политики или экономики.

Четыре из претендентов в президенты (Кебич, Лукашенко, Новиков, Дубко) успешно эксплуатируют этот парадокс толерантности, эту особенность белорусского менталитета. Они дружно говорят народу только то, что все знают и понимают, они умалчивают то, что знают сами и знают специалисты. Народу не обязательно много знать, с их точки зрения. Когда потом народ все равно узнает, то терпит, что его обманули. Кебич знает, что будет проводить рыночные реформы. Знает, что будет делать это хуже, чем Лукашенко, Дубко, Пазыняк и Шушкевич. Но зачем же отдавать другим столь выгодную работу. Пусть я буду делать это хуже других, но всю выгоду буду оставлять себе. Те из промышленников, финансистов, коммерсантов, чиновников, которые его поддерживают, делают это вяло и неохотно, потому что понимают, что он будет делать это хуже других. К тому же администрация Кебича «слишком дорого обходится» тем, кто вынужден с ней делиться, «чтобы не мешала». Во сколько будет обходиться другая администрация — еще неизвестно. Предприниматели тоже беларусы — «потерпим, мужики», известное зло лучше чего бы то ни было неизвестного.

Кандидаты в президенты умалчивают много такого, к чему белорусский менталитет не проявит своей легендарной толерантности.

Кандидаты умалчивают сложность отношений с Россией и проблематичность объединения денежных систем.

Став Президентом, любой кандидат (включая Новикова) будет сворачивать социальные программы, дотации и т. д., поскольку в Беларуси они разорительны в современном состоянии.

Став Президентом, любой кандидат (включая Пазыняка) будет дружить с Россией, поскольку нет другого выхода.

Став Президентом, любой кандидат (включая Дубко) будет реформировать сельское хозяйство и ставить колхозы в трудное экономическое положение.

ние, поскольку структура Агропрома плохо совместима с современными экономическими требованиями. Будет вводить частную собственность на землю.

Став Президентом, любой кандидат (включая Лукашенко) еще долго будет терпеть коррупцию, поскольку не готова законодательная база и система отношений для борьбы с нею, а их подготовка — процесс длительный. Кроме того, программа приватизации в РБ настолько плоха, что без коррупции не может быть выполнена.

Став Президентом, любой кандидат (включая Кебича) будет укреплять границы и вводить талер, поскольку это обязательное условие реформ.

Став Президентом, любой кандидат (включая Кебича) будет менять персональный состав госаппарата и принципы его функционирования, поскольку старый уже недееспособен.

Став Президентом, любой кандидат (включая Шушкевича) будет усиливать авторитарность и жесткость исполнительной власти, поскольку в процессе реформирования нет времени на препирательства с депутатами.

Можно еще долго перечислять то, что умалчивается, то, что беларусам придется терпеть, и то, к чему в высказанном виде они отнесутся нетерпимо.

Один предприниматель сказал: «Известие о банкротстве всегда неприятно, но лучше услышать о нем заранее от консультантов и аналитиков, чем из уст судебного исполнителя или кредитора».

Может пора понимать толерантность как терпимость к независимому мнению, а не как терпеливость к невзгодам.

Сегодня приходится вносить коррективы в сделанный три года назад анализ. Рефлектировать политическую деятельность. И дело не только в том, что первый беларусский президент не справился со стоящими перед страной задачами, да и изначально был не способен с ними справиться. Обсуждая действия конкретных людей и политических (псевдополитических в нашем случае) персонажей, обычно не доходят до «сути дела», до настоящих явлений. (ОТ АНАЛИТИКИ К РЕАЛИЗАЦИИ. — Март 1995г. БДГ.)

В мае прошлого года в газете «7 дней» от имени Информационно-аналитической службы поименованной газеты была предпринята попытка поспорить с аналитическими материалами Агентства гуманитарных технологий «с позиции здравого смысла». Аналитические материалы АГТ были подготовлены в апреле 1994 года, сейчас на дворе апрель 1995. В прошлом году я воздержался от полемики с «7 днями» в виду бросающейся в глаза разницы «весовых категорий» аналитиков. Мне казалось, что все и так очевидно. Но история учит только тех, кто хочет учиться. Один год — это еще даже не история, а актуальность нашей жизни. Поэтому я решил вспомнить прошлогоднюю аналитику и попытку ее оспорить.

Сначала о материале в «7 днях» № 21 за 22 мая 1994 года «Какого президента ждет Беларусь?», помещенного под рубрикой «Актуально». К сожалению, по-прежнему актуально.

Если бы откровенная апологетика Кебича в последний раз выдавалась в прессе за аналитику, говорить было бы не о чем. Но ведь такие подмены

в ходу по-прежнему. Тем, кому платят за подмену системного анализа «бессистемным» по самохарактеристике авторов, не нужно объяснять разницу. Будучи неспособными к анализу, они хорошо понимают, как замаскировать вранье под анализ, как обманывать с помощью статистики. В демократической свободной стране пресса имеет право и на такие выходки, но каждому должно воздаваться по делам его. Авторы материала доказывали, что именно Кебича вся Беларусь «жаждет» видеть президентом, они использовали данные социологической службы «Общественное мнение». У меня нет оснований сомневаться в приведенных цифрах, но я год назад видел подтасовку в методе опроса, в подмене понятий. Но люди верят цифрам, даже если неспособны разобраться, к чему они относятся. В статье приведена длинная колонка с процентами ответов, которая характеризует предрассудки советского обществоведения, но не ожидания избирателей в конкретной ситуации. Из этой массы «цифири» авторы делают вывод: Кебич «полностью соответствует требованиям». Давайте называть вещи своими именами: авторы и «социологи» либо глупы, либо лживы, а метод, которым они пользуются, также годится для анализа, как медицинский термометр для измерения эффективности экономики.

В наших аналитиках речь шла о другом. Обратим внимание на модальности названий. Наш материал в БДГ назывался: «Что ждет первого президента Беларуси». Во все времена находятся люди с таким самомнением, что решаются высказываться от имени всего народа. Они знали, какого президента «ждет Беларусь». Это знание было подкреплено авторитетом науки социологии и статистики. Нужно выставить настоящую цену такому знанию — ему грош цена. Но многим кандидатам в президенты хотелось именно такого знания. А если бы победитель стремился к знанию о том, что его ждет, и готовился к этому, то Беларусь прожила бы этот год намного эффективнее. Увы, мы привыкли ценить грошовое знание и пренебрегать тем, что ценно.

Мы в аналитиках «не предсказывали», мы анализировали соответствие программ и возможностей кандидатов в президенты тем задачам, которые стоят перед страной. «Бессистемные аналитики» «7 дней» взяли у нас пустую форму и описали соответствие качеств кандидатов предрассудкам и мифам, как показали дальнейшие события, только своим собственным предрассудкам и мифам. (Это конечно мягко сказано, если проанализировать сам текст, то видно, что авторы не верят сами в то, что написали. На учебном семинаре по логике и герменевтике я мог бы это показать студентам на сопоставлении отдельных компонентов текста.)

Аналитики должны проверяться жизнью и практикой. Воспользуемся табличкой, которая в мае прошлого года (1994) обошла полдюжины минских газет, выбросив из нее колонки кандидатов, кроме Лукашенко, и дополнив оценкой прожитого страной года (см.табл.).

Эта таблица была заполнена в марте 1995 года, в последний месяц демократии в Беларуси. В апреле избили группу депутатов прямо в зале заседаний парламента. Потом президент призвал граждан Беларуси не участво-

ЗАДАЧИ	Оценка возможностей Лукашенко, апрель 94	ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ И СОБЫТИЙ ЗА ПРОШЕДШИЙ ГОД (что делается или сделано)
ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ	Нет	Проведена халтурно
– УРЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ	Нет	Усилиями НБ через сопротивление правительства и ВС вяло и непоследовательно
– ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ	Нет	Деградация армии вместо демилитаризации
– ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ	Нет	Всячески тормозится или пущена на самотек
– ИНСТИТУТЫ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА	Нет	Единственное достижение -- избран председатель КС
– СТРУКТУРНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА	Нет	Стихийный развал вместо реорганизации
– ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА	Нет	Только случайные действия и ситуации
– КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА	Нет	Бессмысленная "реформа" образования, смена символики ets.
– ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА (СВОБОДА СМИ)	Нет	Все делается резко наоборот
– БЕЛАРУСИЗАЦИЯ	Нет	Пущена на самотек и принимает уродливые формы

вать в парламентских выборах заявив на всю страну, что он вообще не пойдет голосовать — все равно обманут. Тогда еще не всем было понятно, куда режим ведет страну. Потребовалось еще полтора года, прежде чем все стало очевидно.

Белорусская ситуация, при всей своей уникальности, вполне укладывается в схему возможных вариантов перехода от тоталитарного социализма к демократическим формам общественной жизни и государственного устройства.

Уже к началу 80-х годов стало очевидно, что социалистические режимы в индустриальных странах Восточной Европы не способны справляться с управлением хозяйством и общественной жизнью своих стран. Результаты конкуренции «двух систем» свидетельствовали об этом столь наглядно, что исследователи, государственные деятели и политики перестали думать о повышении эффективности социализма и начали изобретать приемлемые формы трансформации общественной жизни соцстран в направлении либеральной демократии, а социалистического планового хозяйства в направлении рыночной экономики. В самом общем виде рассматривались два варианта: конвергенция, или постепенная адаптация общественной жизни и экономики социалистической страны к общемировым условиям, резкая и быстрая трансформация, или полная смена одного порядка на другой. Первый вариант был возможен в трех странах: в Венгрии, Польше и Югославии, в этих странах социализма было меньше всего как в экономике, так и в общественной жизни, кроме того, здесь раньше других стали думать о трансформации. Но удержаться на этом пути смогла только Венгрия. Польша и Югославия упустили время и на втором этапе вынуждены были принять вариант революционной трансформации.

Основная проблема трансформации заключается в том, что реорганизация хозяйства страны по принципам рыночной экономики производится либо согласованными усилиями всех слоев населения с помощью институтов гражданского общества, если такие институты в стране есть и они работоспособны, либо это делается авторитарными режимами с почти диктаторскими полномочиями через «шоковую терапию». В последнем случае переходные правительства сталкиваются с проблемами обуздания охлократического и популистского сопротивления. СССР и страны восточной Европы почти одновременно вступили в период такой резкой трансформации и сразу же проявились культурные различия стран этого региона, которые и определяют ход и успешность реформ. При всей уникальности и непохожести стран в регионе можно выделить три отчетливых типа, которые совпадают с конфессиональными признаками.

Примеры успешных реформ при мягком течении процессов трансформации с опорой на институты гражданского общества дают страны с протестантскими традициями: Восточная Германия, Эстония и Латвия, к ним примыкает Чехия.

Вторую группу составляют католические страны, где экономические реформы проводятся авторитарными режимами с параллельным созданием институтов гражданского общества: Словения, Польша, Хорватия, Литва, Словакия.

Наиболее сложно процессы трансформации проходят в православных и нехристианских странах: Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Румыния, Сербия, Болгария, Македония, Грузия, Армения и мусульманские государства Средней Азии, Албания, Босния, и Азербайджан. В этих странах если и проводятся экономические реформы, то без заметного участия институтов

гражданского общества, здесь не приходится говорить о социальном партнерстве. Диапазон политических систем в этих странах достаточно широк: от квазидемократических, как в России и Молдове, до диктаторских. Многим из этих стран не удается избежать гражданской войны, локальных вооруженных конфликтов и серьезного столкновения между социальными группами или регионами. Социалистические формы организации общественной жизни усиливаются в этих странах конфессиональными традициями и культурными стереотипами. Реформаторам в этих странах приходится преодолевать этатизм, патернализм и коллективизм в сознании своих граждан. Проблемы переходного периода усугубляются здесь необходимостью «культурной революции». Культурный фактор становится определяющим для этих стран на данном этапе трансформации. Именно этим фактором определяются и схожесть, и различия политической и экономической ситуации в группе православных европейских стран, например ситуации зимы 1996-97 годов в Минске, Белграде и Софии. В 1985-90 годах перед всеми странами «второго мира» стояли общие проблемы. Десятилетний опыт решения этих проблем привел к накоплению разнообразия. Раньше можно было заимствовать наиболее удачный опыт лидеров трансформации и адаптировать его к национальным условиям. Сейчас те страны, которые оказались в арьергарде реформирования, остаются со своими проблемами один на один.

Особенность Беларуси заключается только в том, что здесь экономические преобразования проходят практически без участия правительства. Ни одно из трех правительств со времени провозглашения независимости не было реформаторским, до сих пор нет отчетливой концепции и программы реформ. Отдельным изменениям в направлении к рыночной экономике в стране Беларусь подверглась благодаря «импорту» экономических отношений из соседних стран. Беларусские власти вынуждено реагировали на изменение отношений на рынках бывшего СССР и на требования международной торговли. Этому способствовала слабость белорусской государственности. Сейчас ситуация принципиально иная. Режим третьей Республики уже не сможет пассивно претерпевать экономические изменения, он должен будет занять активную позицию по отношению к реформам. Эта позиция может быть либо положительной, либо отрицательной. Проблема режима в том, что он установился при массовой поддержке электората как противник экономических реформ, разгромив своих политических оппонентов — демократов, националистов и рыночников. Электорат разрешает режиму подавление гражданских свобод, но требует экономической стабилизации и преобразований, пусть даже путем отказа от политики. Существующий режим стал заложником собственных предвыборных обещаний и массового сознания.

Как и любая другая область человеческой деятельности, политика основана на знании. Не последнюю роль в этом фундаменте политики играет знание о самой политике, т. е. рефлексивное знание. Существует иллюзия, что политика — это такая же данность, как природа или космос, существующая независимо от того, что мы о ней знаем или думаем. В знаниях о природе присутствует обязательный принцип — независимость процессов (и самого зна-

ния) от наблюдателя. Предсказанное солнечное затмение произойдет в любом случае, знаем мы о нем или не знаем. Совсем не так обстоят дела в гуманитарной сфере. Если мы можем предсказать биржевой кризис, то он будет происходить совсем не так, как предсказано, не в те сроки или вообще может не случиться. Подробно эту проблематику описывает Дж. Сорос в своих рассуждениях о рефлексивности нашего знания. Нет смысла повторять аргументацию, но этот же принцип нужно применять и к политике. Не возможно заниматься политикой и не знать об этом. С другой стороны, невозможно не зная и не понимая политики заниматься ею. Посторонний наблюдатель, который интерпретирует действия людей как политические, тогда как сами люди делают нечто другое, не способен понять и объяснить действия этих людей. Что постоянно и происходит, когда события в постсоветских странах наблюдатели и аналитики пытаются описывать в терминах политики. Ту же ошибку допускают и те, кто пытается заниматься политикой в самой Беларуси. Политика как искусство ведения общественных дел предполагает, что все участники процесса действуют именно политическим образом. Но если некто действует как политик, а его оппонент или противник прибегает к военным методам или к криминальным, то сам характер взаимодействия трансформируется. При смешивании политики с другими, более простыми типами общественного взаимодействия (войной, родственными отношениями, криминальной деятельностью и даже экономикой), исчезает именно политика. Все сложные формы человеческой деятельности поддерживаются искусственно и с большими усилиями, в противном случае, они редуцируются к более примитивным формам.

Как правило, политика рассматривается только в качестве средства решения тех или иных общественных проблем. Большинство людей интересуются самими проблемами и их решением, но не средствами решения. Поэтому когда неискушенный неподготовленный ум сталкивается с проблемой, то все сознание концентрируется на проблеме, включается вся активность и энергия, а методы и средства решения остаются за пределами внимания. Цель оправдывает средства, поэтому проблемы пытаются решить самым простым, быстрым и экономичным путем. А политика не относится к самым простым, быстрым и экономичным методам, наоборот, это медленный и дорогостоящий метод решения. Конечно, война в денежном выражении может стоить дороже. Но когда решаются на развязывание войны, то не собираются идти на компромиссы. А именно компромисс выступает в таких случаях той ценой, которая рассматривается при оценке методов решения проблем. Война предлагает бескомпромиссные решения, а политика не может без компромиссов. Часто проблемы персонифицированы, поэтому распространен принцип: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы. Поэтому стремление к простым решениям приводит к попыткам устранить проблему через устранение людей из деятельности либо из жизни. Именно так поступает администрация Лукашенко. Из деятельности устраняются выборные депутаты, независимые судьи, неподконтрольные президенту органы (например Центризбирком или частный бизнес). Из жизни вытесняются

конкретные люди: выдворяются из страны журналисты, арестовываются бизнесмены, лоббируется замена дипломатов и участников переговорных процессов со стороны Европы и России, с которыми официальный Минск не в состоянии договориться, предполагая, что проблема не в политической позиции, а в частном мнении частного лица.

Нельзя не признать, что такой метод решения проблем по-своему эффективен. Сталину удалось так обезлюдить Советский Союз, что беспроблемная жизнь в нем продолжалась несколько десятилетий после смерти самого Сталина. Все советские люди стремились держаться подальше от любых проблем, зная, что проблемы ликвидируются вместе с людьми. Страх подавлял мысль, стремление жить входило в противоречие с результативной деятельностью. Этот страх достался в наследство и белорусским гражданам. Политика — это проблемы, мы не хотим проблем, мы хотим жить. Если в стране нет политики, то в стране нет и людей во всей полноте человеческого бытия, люди боятся быть полноценными людьми, людьми, способными иметь собственное мнение, защищать его, просто быть свободными. Если мы хотим быть людьми в Беларуси, то нам нужна политика.

Одна из первостепенных задач новых независимых государств состоит в том, чтобы создать или вырастить в стране политику. Так политика перестает быть средством решения проблем, а становится целью. У нас в Беларуси так много проблем, они такие сложные, что мы просто не можем позволить себе решать их любой ценой. Да, решенная проблема — это хорошо, но еще лучше, если она решена политическими средствами. Средство есть цель постольку, поскольку мы хотим, чтобы оно было средством. Есть проблемы, которые нельзя решить иначе, чем политически, чтобы их решить, нужна политика, чтобы политикой можно было воспользоваться — она должна быть. Политика просто должна быть.

Аналитики и эксперты по частным локальным проблемам уже давно констатируют, что Беларусь не имеет той или иной частной политики. Утверждается, и вполне справедливо, что у Беларуси нет восточной политики или политики в отношении России. Нет западной политики в отношении Европы, нет экономической политики, культурной и т. д. Да и откуда эти локальные политики могут взяться? Именно целое придает смысл существованию частей. Как органы тела не обладают самостоятельной жизнью вне тела, так и в отношении других органических целостностей, не могут части существовать в своем собственном качестве в отсутствии целого. Не может быть у Беларуси восточной политики, если нет политики как таковой. Но целостность политики придает смысл существованию не только частным аспектам самой политики, но и многим другим феноменам современной общественной жизни. Например, опросам общественного мнения. В Беларуси достаточно квалифицированных социологов, которые оснащены современными методиками опросов общественного мнения, но они не придают значения методологии социологии. Методическая оснащенность не может заменить методологической рефлексии. Социологические данные часто используются в аргумента-

ции тех, кто пытается судить о происходящих в Беларуси процессах. Но социологи задают вопросы о политике людям, у которых совершенно отсутствует политическая действительность. Опрос мнения имеет смысл только тогда, когда человек может сделать сознательный выбор в пользу одного из нескольких возможных мнений. Но какой смысл спрашивать мнения у людей, у которых не может быть альтернативных мнений? Утверждается, что большинство белорусов отрицательно относятся к парламенту. А как они относятся к шебуршанчикам? Проведите опрос на тему «Жизнь или кошелек?» у людей, оказавшихся в соответствующей ситуации, и вы получите редкостное совпадение мнений. Объясните людям, что один человек очень хороший, а другой очень плохой, а потом спросите их мнение об этих людях. Французский социолог П. Бурдьё утверждает, что в современном мире власть держится на номинации, на возможности называть вещи своими именами, хорошее хорошим, плохое плохим. Одно и то же явление можно назвать бунтом черни или восстанием против тирании. Поведение людей в отношении любого явления определяется тем, какое из имен этого явления они употребляют. Если в обществе все убеждены, что политика грязное дело, то поведение всех людей, считающих себя честными, будет соответствующим. Точно так же соответствующим будет и отношение к тем, кто политикой занимается. Теперь проведите опрос с целью установления рейтинга группы из N лиц, один из которых президент, а все остальные политики. Кто будет лидером? Какой разрыв будет между лидером и остальными? Много ли информации в таком опросе, есть ли в нем смысл, можно ли им руководствоваться в принятии решений? В последние месяцы на второе место в рейтинге белорусских политиков вышел Павел Шеремет². Про него все знают, что он не политик. Удивительно, но только так можно стать белорусским политиком — не быть политиком.

Итак, тезис о том, что первоочередная задача для Беларуси это создание и выращивание в стране политики, достаточно рассмотрен. Но тогда закономерен вопрос: а как же это делается? Вряд ли существует единственный ответ. Воспользуемся еще раз фрагментом из доклада на аналитической группе АГТ в 1994 году.

ЭКРАН

В этой части доклада я буду говорить про одну единственную вещь, представляющуюся в большинстве подходов и форм мышления не значительной, а в том подходе, в котором я работаю (СМД-методология), это является ключевым моментом деятельности отношения к миру.

² Как много все-таки потеряно с 1997 года. Было время, когда составлялись рейтинги белорусских политиков, сейчас это кажется чем-то невероятным. — Прим. ред.

Я не стану тратить время на опровержение мифов и иллюзий, бытующих в массовом сознании и в кругах белорусских интеллектуалов, о том, что есть и чего нет в сегодняшней Беларуси. Мое искреннее убеждение состоит в том, что в Беларуси есть все, что необходимо для достойной жизни по европейским стандартам и для развития, кроме одного: ЭКРАНА интеллектуальной работы для имитации и программирования жизни и деятельности.

Я понимаю, насколько не понятен и неприемлем этот тезис для диалектических материалистов, позитивистов, наивных реалистов всех мастей и просто для людей, не имеющих философской подготовки. Но я здесь не для академических споров. Желающие с этим разобраться могут проштудировать литературу по СМД-методологии, а те, у кого аллергия к этому подходу, пусть внимательно проштудируют работы Поппера, Хайека, Хабермаса и других методологов, идеи которых лежат в основе всех программ и практик современного мирового развития. Итак:

1. Развитой страной в конце XX века может считаться только та страна, в которой все решения относительно организации жизни и деятельности принимаются на основе проработки содержания во всех слоях и этажах мышления и сознания без какого бы то ни было исключения. При этом верхние этажи определяют содержание и материал нижних, а, ни в коем случае, не наоборот.

Каждый человек современного мира имеет право на производство и высказывание мнения, но проверка любого мнения на истинность, целесообразность и реализуемость производится через соотнесение его с содержанием «верхних этажей интеллекта». Современная демократия вырабатывает механизмы жесточайшего ценза на способность суждения.

В Беларуси пирамида организации интеллекта без «крыши». Верхние этажи как бы отсутствуют полностью. Это позволяет суждениям из курилок, очередей в магазинах, скамеек отставников-пенсионеров проникать в Верховный Совет, в правительство и определять политику государства. Беларусь — последняя страна в Европе, где такое возможно, и первая, где реализована ленинская мечта о том, чтобы каждая кухарка управляла государством.

Для ликвидации этого недостатка, для введения «крыши» необходимы:

1. Конструирование и создание ЭКРАНА; предъявление и визуализация этого ЭКРАНА для всей нации; Демонстрация на этом ЭКРАНЕ рафинированной интеллектуальной работы.

2. Экранные технологии в современном мире обеспечивают реализацию идей и проектов, которые превышают возможности индивидуального сознания и мышления. Одной из главных задач экранных технологий становится работа по расширению плана идеального. А план идеального в Беларуси предельно заужен. Пределом мечтаний среднего белоруса является стандарт потребления времен Машерова, а критерием сравнения и оценки до сих пор выступает уровень 1913 года. До тех пор пока такой

идеал и такие критерии не будут трансформированы, все разговоры о реформах будут оставаться интеллигентским трепом, а программы кандидатов в президенты — утопиями и «обманом трудящихся». О структуре, механизмах и принципах функционирования экранных технологий я расскажу в отдельном докладе, если для этого будут время, место и условия.

3. Последняя из множества задач и функций экрана, о которой необходимо сказать в этом докладе, состоит в том, что экран обеспечивает продуктивную коммуникацию между интеллектуальной и политической элитами, делает их видимыми друг для друга и необходимыми друг для друга. Коротко это можно обозначить так: интеллектуальные элиты прописывают на экране трафареты, стратегии, задачи и программы для действий политических элит и государственной власти. Без этого политические элиты и государственная власть тонут в популизме и «зашиваются» в пожарных аварийных ситуациях. В стране нарастает хаос и начинается длительный упадок.

Еще в XVIII—XIX веках на индивидуальности политического лидера можно было осуществить сборку интеллекта, воли и нравственности, в XX веке эти функции (интеллект, воля и нравственность) распределены на коллективах, общностях и элитах. Поэтому вне кооперации интеллекта и политической воли в современной цивилизации невозможна реализация власти и управления процессами развития. Условием такой кооперации является наличие ЭКРАНА и особой фигуры или позиции при ЭКРАНЕ, которая в последнее время обозначается методологами термином ИНТЕРЛОКЕР.

4. Предвыборная кампания, если ею правильно воспользоваться, создает достаточные условия для введения и закрепления ЭКРАНА в стране и «раскрутки» (пользуемся термином из шоу-бизнеса, за отсутствием лучшего) людей, способных занимать позицию интерлокера. Без этой работы будущего президента ожидает неминуемый крах и «разоблачение».

Собственно программа действий, изложенная в 1994 году по-прежнему сохраняет свою актуальность. В практическом плане мы никуда не сдвинулись в Беларуси с 1994 года. Все, чем мы располагали, три года продолжает разрушаться. Но есть надежда, что мы немножко поумнели. Если это так, то — просто есть надежда.

**В будущих изданиях серии «Культурная политика»
планируется выход ранее не публиковавшихся в Беларуси
книг Владимира Мацкевича:**

**«Вызывающее молчание»
«Полемические этюды об образовании»
«Введение в теорию систем. Сборник лекций»**

**Мацкевич В.
Беларусь: вопреки очевидности**

Редактор А.Егоров
Корректор Л.Гедимин
Дизайнер обложки М.Король
Верстка И.Жизневская